

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Зачѣмъ мы здѣсь? *)

Блаженни изгнани правды ради.

За послѣдніе годы эмиграція живетъ съ очень пониженнымъ самосознаніемъ. Это прежде всего относится къ ея «лѣвому» сектору, который сохранилъ болшую трезвость мысли и чувство разочарованія подорвали вѣру въ свои силы и даже въ смыслъ своего дѣла. Здѣсь чаще всего говорятъ объ эмиграціи, какъ о «несчастьи». Въ революціонномъ секторѣ несчастье эмиграціи становится уже болѣзнию, иногда грѣхомъ: «эмигрантщина!» Преодолвать въ себѣ «эмигрантщину» считается первымъ условіемъ политическаго реализма. Послѣднимъ заранѣе согласиться да, конечно, эмиграція несчастье. Конечно, она несетъ съ собой предрасположеніе къ духовнымъ и душевнымъ заблужденіямъ, связаннымъ съ пребываніемъ въ искусственной средѣ, съ оторванностью отъ родной почвы. Идолы, призраки, тѣни —

*) Помѣщая интересную статью Г. П. Федотова, редакция оставляетъ на отвѣтственности автора даваемые имъ характеристики отдѣльных группировокъ эмиграции. — Ред.

населяютъ полумракъ, въ которомъ мы живемъ. Борьба съ этими призраками, постоянное бодрствованіе, духовная гигиена — составляютъ первый долгъ и первое условіе здоровой жизни для каждаго изъ насъ. Все это такъ. И однако: только ли болѣзнь, только ли несчастье? Взятый нами эпиграфъ даетъ смѣлость отвѣтить отрицательно. Нѣтъ, не только несчастье, но и «блаженство», не только болѣзнь, но и подвигъ.

Когда-то мы всё повторяли эти слова. Но потомъ они вывѣтривались, утратили смыслъ. Когда мы слышимъ ихъ — чаще всего въ тѣхъ устахъ, которыя меньше всего имѣютъ на нихъ право — они звучатъ фальшиво. Но правда, заключенная въ нихъ, не перестала быть правдой оттого, что она захватана фарисеями. Я вовсе не хочу поощрять эмигрантское самодовольство, котораго у насъ тоже достаточно. Рѣчь идетъ не о насъ, а о нашемъ призваніи. Чѣмъ выше оно, тѣмъ больше приходится краснѣть за себя. Именно оно даетъ мѣрило для суда и самоосужденія. Но безъ него наша жизнь — я говорю объ общей, общественной

жизни въ эмиграціи — теряетъ всякую реальность. Безъ него начинаешь чувствовать себя въ царствѣ тьмы.

Сейчасъ мы вступаемъ въ одинъ изъ рѣшающихъ моментовъ нашей жизни. Многие — особенно молодые — пересматриваютъ сейчасъ заново вопросъ о своемъ самоопредѣленіи. Зачѣмъ мы здѣсь? Почему не на родинѣ, чтобы работать для ея восстановления, чтобы защищать ее отъ готоящейся военной грозы?

Скажу заранее: для того, кто отказывается отъ нравственнаго критерія, кто ставитъ свою дѣятельность въ зависимости отъ исключительно утилитарныхъ, политическихъ или национальных соображеній, трудно оправдать пребываніе въ эмиграціи. Это пребываніе для большинства означаетъ вынужденное бездѣйствіе, медленное умираніе. Во имя чего признаются эти жертвы?

Слово «справда» можетъ дать отвѣтъ — для того, кто не совѣмъ забылъ значеніе этого слова. Правда на пути изгнанія противопоставляется участию въ общей неправдѣ, въ общемъ несправедливомъ дѣлѣ, въ строительствѣ, въ работѣ, даже въ подвигѣ, въ основу котораго положена коренная неправда. Понятъ правду изгнанничества нелегко русскому человеку, привыкшему къ круговой поруцѣ, къ общей отвѣтственности. Достоевскій и вся связанная съ нимъ линия русской совѣсти, кажется, прямо призываетъ къ участию въ общемъ грѣхѣ, возлагая на всѣхъ раннюю и общую отвѣтственность. Въ русской совѣсти и въ русскомъ религиозномъ сознаніи есть этотъ болѣзненный уклонъ, который можно

было бы грубо назвать соборностью общаго грѣха.

Оставшіеся въ Россіи только потому и могутъ, какъ ни какъ, жить и работать, что они сняли съ себя личную отвѣтственность — конечно, въ извѣстныхъ, для каждаго особыхъ, предѣлахъ. Кто этого не смогъ и не захотѣлъ сдѣлать, тѣ выбрасываются изъ жизни — въ тюрьмы и ссылку, — идуť путемъ изгнанія. Ихъ изгнаніе безконечно тяжелѣе нашего; оно приближается къ мученичеству и нѣрѣдко становится имъ. Но въ идеѣ это все тотъ же путь, путь изгнанниковъ за правду: не даромъ существовать въ Россіи терминъ «внутренняя эмиграція».

Какой смыслъ имѣетъ этотъ подвигъ? На этотъ вопросъ отвѣтить вопросомъ же: долженъ ли подвигъ имѣть смыслъ? Не является ли послѣдній творческой актъ человека — въ святости, въ подвигѣ, въ жертвѣ — совершенно безкорыстнымъ и немѣющимъ смысла внѣ себя и ниже себя? Религія не столько поднимаетъ его себѣ, сколько уясняетъ его природу, природу абсолютнаго. Вся жизнь человека не имѣетъ другой цѣли и цѣнности, какъ его жертва и способность на жертву. Оправданіе нашихъ — только зь осуществленныхъ ею въ исторіи цѣнностей, и среди нихъ героизмъ, святость, подвизничество имѣютъ, по крайней мѣрѣ, такое же онтологическое значеніе, какъ созданіе художественныхъ памятниковъ или научныхъ системъ. Вѣчный споръ о первенствѣ Ахилла или Гомера не можетъ быть рѣшенъ одностороннимъ выборомъ.

Спускаясь ниже, въ область социальныхъ оцѣнокъ, мы говоримъ:

наивысшие акты спасают честь нации. Исходя из большевистской России миллионы людей, не желавших подчиниться деспотизму Ленина, каковы бы ни были частные и личные мотивы у каждого из них, спасают честь России — в истории. Иная теперь задача, что, оставаясь на родине (и предавая свои святыни), можно было принести больше пользы. Но не больше ли душа родины ее сегодняшней пользы? Что останется жить в вѣках — и в вѣчности, прибавь культурной продукции или творческий акт, хотя бы в формѣ жертвы?

Вѣчный символ правды, живущий в нации, несмотря на грѣшность ее исторических путей. Семь тысяч мужей, которые не преклонили колѣн перед Ватоломъ. Не преклонить колѣн всего лишь отрицательный жест. Опортунисты искушѣ шифровъ, хотя бы и церковные, никогда не поймутъ его смысла. Но эти семь тысяч спасаютъ народъ, спасаютъ его историю — отъ вѣчнаго забвенія. Это они дѣлаютъ его достойнымъ вѣчной памяти.

Но утверждая правду истинности, можно ли отрывать его отъ правды, ради которой оно принимается? Сколько из нас покинули свою родину просто спасая свою жизнь, просто потому, что не было другого исхода. Жизнь в России такъ ужасна, такъ приближается къ полярному представлению объ адѣ, что о бѣгствѣ изъ нея мечтаютъ не только самые сильные, но и самые слабые духомъ. Горечь личныхъ обидъ можетъ переходить даже въ ненависть къ своему народу, въ потребность отрѣзать себя отъ него навсегда — въ на-

циональномъ сознаніи, въ религии. Столько различныхъ биографій покрываются общностью вѣтвей судьбы! Недаромъ приобрѣле право гражданства различіе эмиграции и близнства.

Но если взять даже чистую эмиграцію, стойкую, принципиальную, не сомнѣвающуюся въ своей «правдѣ», дѣйствительно ли ея изнание непременно является «блаженствомъ»? Легко быть изгнаннымъ за правду; но трудно за правду жить въ изгнаніи. Правда — не статуи боговъ, которая можно унести съ собой изъ горящей Трои. Она должна быть постоянно оживляема, запово переживаема въ сердцѣ и сознаніи. Иначе она мертвѣетъ, оставая лишь шепотомъ старыхъ словъ. Даже самая великая и вѣчная слова становятся ложью въ туманномъ равнодушномъ произношеніи. Родина, свобода, демократія, царь и т. д. — пламенные слова, нѣкогда звучавшія на подвигъ и приведшія въ изнание. Но какъ лотускибли многи изъ нихъ за 15 дѣтъ! То вѣчнодѣнное, что ощущалось за каждымъ изъ нихъ, трепетное биченіе жизни въ нихъ — отлетаетъ. Его нужно постоянно возвращать и воскрешать, бить можетъ, находить для него новые слова, потому что политическое слово недопонимно. Словомъ и рядомъ отрицательные инстинкты и страсти оказываются болѣе могучимъ стимуломъ къ дѣйствию. Люди думаютъ, что они живутъ любовью къ России, а на дѣлѣ, оказывается, — ненавистью къ большевикамъ. Но ненависть къ злу, даже самая оправданная, не рождаетъ добра. Чаще всего изъ отрицанія зла рождается новое зло. Вотъ почему «милитаризмъ за правду» ста-

новится труднѣйшимъ подвигомъ, и немногіе могутъ выдержатъ этотъ искусь — изгнанія.

Признаемся: трудное для политика оказывается болѣе посильнымъ рядовому человѣку, который въ тяжкомъ физическомъ трудѣ зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба. Разумѣется, если человѣкъ достаточно силенъ духомъ, не спился, не идетъ ко дну, что тоже не рѣдкость. Но именно здѣсь, въ низахъ эмиграціи, въ глухой провинціи, на заводахъ и хуторахъ легче всего найти тѣхъ настоящихъ, прямыхъ и чистыхъ русскихъ людей, встрѣча съ которыми порой заставляетъ всплывать ярче въ сердцѣ память о родинѣ. Для нихъ Россія ужъ, конечно, не только большевики. Они несутъ на себѣ ея нравственный образъ, отпечатокъ ея скромной и доброй красоты. Въ шумѣ столицъ, встрѣчаясь съ измученными, нервными, озлобленными людьми, и думая о томъ, что въ Россіи жизнь не менѣе калѣчитъ людей, иногда впадаешь въ слабость думать, что русской человѣкъ, какимъ мы его знали когда-то, исчезъ безвозвратно. Потому такъ и дороги эти встрѣчи съ безымяннымъ подвижничествомъ трудовой эмиграціи. И если были у нихъ — а у большинства, конечно, были — грѣхи передъ Россіей: отрывъ отъ народа, классовое презрѣніе къ «хаму», предразсудки сословія, касты, партій — неужели они не искуплены пятнадцатилѣтней каторгой, которая для многихъ изъ нихъ проходитъ въ условіяхъ не менѣе тяжелыхъ, чѣмъ, напр., для декабристовъ и для многихъ политическихъ каторжанъ стараго времени? Теперь, когда чаша ихъ страданій

переполнена до краевъ, когда ихъ гонятъ изъ страны въ страну, лишая самаго священнаго и неотъемлемаго права человѣка — права на трудъ, т. е. на жизнь, — хочется подольше остановиться мыслью на этихъ труженикахъ, которые ближе всего къ идеалу блаженнаго изгнанничества.

Однако, тѣ изъ насъ, которые принадлежали къ «ордену интеллигенціи» или къ активной Россіи, не могутъ ограничить своего изгнанническаго служенія безмолвнымъ и физическимъ трудомъ. Да и многіе изъ молчаливыхъ не согласны на такое самоограниченіе. Для большинства изгнаніе само по себѣ — не служеніе родинѣ, а лишь условіе для этого служенія. Чѣмъ заполнить быстро катящееся, пустые годы? Что можемъ мы сдѣлать для Россіи, или дать ей отсюда? Законный вопросъ, но который является источникомъ безконечныхъ ошибокъ, блужданій и даже новыхъ преступленій передъ Россіей.

Въ своемъ активномъ самосознаніи эмиграція распадается на три группы: военную, политическую и культурную. Каждая изъ нихъ мечтаетъ по-своему содѣйствовать освобожденію Россіи и строительству новой жизни: военной, политической организаціей, творчествомъ русской культуры.

Сегодня мы взяли за перо, чтобы поговорить объ этой послѣдней формѣ служенія Россіи. Мы считаемъ ее главнымъ, если не единственнымъ оправданіемъ нашего дѣятельнаго бытія. Лишь вскопѣтъ придется коснуться двухъ первыхъ формъ активности, неудача которыхъ лишь подчеркиваетъ основную линію изъшаго призванія.

Ядро эмиграции было составлено из отступившей и прошедшей через Галлиполийское сиденье белой армии Врангеля. Это обстоятельство до сих пор определяет духовную структуру самых активных ее слоев. Они чувствуют себя прежде всего вояками. Армия, разоруженная физически, не разоружилась морально и живет мечтой о военном походе против красной России. Весны за весной несли крушение этих иллюзий, которые однако возрождаются с новой силой. Надежды на интервенцию угасли. Но возродились надежды на мировую войну, которая в общем пожар и крушение может принести и конец большевизму. Несомненная реальность военной опасности, особенно сгустившаяся за последнее время, поддерживает живучесть воинского духа эмиграции. Это не мешает ему быть одним из главных источников прозрачности нашего бытия. Тысячи людей не желают серьезно отнестись к тем новым трудностям и профессиональным условиям, в которых поставила их жизнь. Не монтеры, а поручики, не шоферы, а полковники. Сознание приковано к ячейкам старого, давно утонувшего мира. Люди, еще полные сил, живут одним воспоминанием. Суровый и поучительный опыт жизни проходит бесследно в сознании. Даже техническая вышка нервно забрасывается все из того же презрения к настоящему. Говорят — и это, кажется, верно, — что крепкая полковая спайка поддерживает людей на извѣтном моральном уровне: дает недостающую социальную дисциплину. Но искупает ли это преимуще-

ство тот основной самообман, на котором строится жизнь? Война может вспыхнуть, большевики могут свалиться, Россия может развалиться тоже — до границ северной Великобритании. Все это в пределах исторических возможностей. Но чтобы была восстановлена старая императорская армия, и чтобы саesаря с 15-лѣтним стажем заняли в ней командные посты, — это выходит из пределов самой смелой политической мечты.

Къ тому же химера эта не так уж невинна. Несчастье воинского сознания начинается порой становится грѣхомъ. Спекуляция на всеобщую войну есть одна из типичных форм извращения совѣсти. Вѣдь, война возможна не под бѣлымъ, освободительнымъ знаменемъ. Для всего мира война, безспорно, означаетъ страшное бѣдствие, можетъ быть, гибель. Расчетъ на политическую удачу, купленную такой цѣной, есть расчетъ Ленина: мировая война — прологъ къ революціи. Здѣсь, въ эмиграціи, — какъ вездѣ, въ стане побѣжденных и раздавленныхъ, — поднимаются духовные мазмы. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Это путь обольщенія национальной идеей. Большевицкая психологія возможна вѣдь при всякомъ политическомъ содержаніи.

Чѣмъ реальнѣе становится перспектива будущей войны, тѣмъ сомнительнѣе для многихъ изъ воиновъ, не утратившихъ нравственного и національнаго чувства, ихъ участіе въ ней. На чьей сторонѣ сражаться? За большевиковъ или за враговъ Россіи? Самый вопросъ мучителенъ. Уже теперь онъ раскалываетъ воинскую массу на два непримиримыхъ ста-

на. Сражаясь въ арміяхъ объихъ коалицій, бывшіе галлиполійцы будутъ фактически драться другъ противъ друга. Стоило былости такъ долго корпоративныя традиціи и на оружіи ославывать свое русское единство, чтобы закончить его въ междоусобіи?

Столь же печальны итоги на политическомъ фронтѣ эмиграціи. Огромныя усилія, воля, страсть, жертвенность были затрачены — съ ничтожными или отрицательными результатами. Ни политическое объединеніе эмиграціи, ни реальная борьба съ большевиками не выходятъ изъ области фразеологіи. Борьба исчерпывается внутреннимъ нервнымъ килфишемъ, и не находящія выхода политическія страсти направляются на своихъ собратьевъ по несчастью. Основная причина политическаго безсилія эмиграціи — въ пропасти, которая легла между ней и Россіей. Выше искусственныхъ стѣнъ, возведенныхъ цензурой и ГПУ, поднялись психологическія перегородки, дѣлающія взаимное пониманіе почти невозможнымъ. Съ нашей стороны — долгое время умышленное закрытіе глазъ, подчѣна реального образа Россіи созданной нами грубой схемой, Теперь, когда познаніе Россіи сдѣлало большіе успѣхи, остается психологическое непониманіе, моральная невозможность найти общій языкъ съ новой Россіей. Съ той стороны — тоже стѣна для, но за ней органическая ненависть новыхъ, появившихся классовъ, къ всему, связанному со старой Россіей. Даже представителей старой интеллигенціи, съ которой у насъ могъ бы найтись общій языкъ, отдѣляетъ отъ насъ моральное отчужденіе, происходящее изъ ре-

ниваго культа своихъ страданій. Тамъ насъ считаютъ не изгнанниками, а дезертирами, уклонившимися отъ общей чаши всеароднаго горя.

Въ этой отчужденности отъ своего народа современная русская эмиграція напоминаетъ французскую времянь великой революціи и глубоко отличается отъ старой русской, польской или ирландской. Причина совершенно ясна. Эмиграція предреволюціонная объединится съ революціонными слоями націи къ общему дѣлу: болѣе того, она призывается авангардомъ. Она дышитъ и за рубежомъ тѣмъ же революціоннымъ воздухомъ, которымъ дышала на родинѣ. Но социальный катаклизмъ, какимъ является всякая глубокая революція, до такой степени мѣняетъ всѣ условія жизни и сознанія массъ, что у враговъ режима по ту и другую сторону границы уже нѣтъ общаго языка.

За этимъ общимъ коэффициентомъ разноязычія — начинаются своеобразія. Отълекаясь отъ чисто политическаго содержанія, можно было бы раздѣлить эмигрантскія и политическія группировки на три типа, но ихъ структуръ. Къ первому мы отнесли бы тѣ группы, которыя просто продолжаютъ или влзачать свое до-революціонное бытіе. При отказѣ съ всякой политической активности они превратились въ клубы ветерановъ—соотвѣствующіе собранія дворянъ, институтокъ и кадетокъ, столь характернымъ для вечерней программы нашего дня. Ихъ безполезность искушается лишь ихъ безвредностью.

Не таковы группы второго типа, которыя, равнодушныя къ по-

литическим программам, объединяются на принцип так наз. «активизма». Их генеалогия восходит не к старым партиям, а к той же белой армии, с ее «непредрешенческой» идеологией и с ее методами непосредственного боевого действия. Естественные на войне, методы эти оказываются сплошь и рядом чистым безумием в политике. До сих пор мы не видели ни одного осмысленного политического акта, вышедшего из этой среды. Неприятие России и желание начать с здесь доходить до геркулесовых столбов. Оттого почти все проявления этой своеобразной активности лишь содействуют укреплению диктатуры и разобщению эмиграции с русским народом. У ПИУ нет лучших бесознательных пособников в эмиграции, чем этого сорта активисты.

Третий тип составляют группировки «апрелевские». В этом секторе эмиграции усердно, хотя и недостаточно критически, изучают современную Россию. Психологические преграды между ними и новыми поколениями в СССР падают. Правда, большинство апрелевских группировок страдают духом утопии, который, при всем антагонизме к отцам, указывает на кровную связь со старой русской интеллигенцией. Этот утопизм иногда сводится к культу так наз. кумиров, которые едва ли смогут найти почитателей в России. Остается вопрос: найдут ли апрелевские в себе достаточно трезвости и любви к России, чтобы пожертвовать явно чуждыми России символами, сохранив драгоценный дар жертвенного горения? Если да, то на-

ступить момент, когда эмигрантская политика сольется с общерусской.

В ожидании лучшего будущего, настоящий итог политической активности не велик. Нет, не здесь заслуга эмиграции. Историк революционной России может пройти мимо этой политической страницы. Во всяком случае, до сих пор она не вылезла из-под ни в чей вьюк.

Остается третья сфера эмигрантской деятельности — та, которая может похвалиться подлинными достижениями и которая несет в себе достаточное внутреннее оправдание. Это сфера культуры.

Быть может, никогда ни одна эмиграция в истории не получила от нации столь повелительного наказа — нести наследие культуры. Она дается фактом исход, вольного или невольного, из России значительной части ее активной интеллигенции. Она диктуется и самой природой большевистского насилия над Россией. С ее самого начала большевизм поставил своей целью перековать народное сознание, создать на новой России, на основе марксизма, совершенно новую «апрелевскую» культуру. В несмысленных раздорах был предпринят опыт государственного воспитания нового человека, лишения религии, личной морали и национального сознания, опыта, который дал известные результаты. Обездушение и обезличение новой России — факт несомненный. Творимая в ней, в масштабах грандиозных, техническая, научная и даже художественная культура как будто окончательно оторвалась от великого наследия России.

И вотъ, даже если бы вся эта творческая (или, по крайней мѣрѣ, динамическая) энергія шла непосредственно изъ глубины народныхъ и отвѣчала цѣлкомъ потребностямъ сегодняшняго поколѣнія, она не исчерпала бы, конечно, всей полноты русской культуры. Но дѣло обстоитъ много хуже (или лучше). Естественное творчество национальной культуры перехвачено, подверглось грубой хирургической ампутаціи и организовано въ самыхъ жестокихъ формахъ государственнаго принужденія. Не отрицаемъ того, что многое, очень многое изъ культурныхъ проявленій въ Россіи удовлетворяетъ потребностямъ новаго совѣтскаго человѣка. Но сколько его потребностей не могутъ быть удовлетворены! Сколько теченій мысли, сколько мукъ совѣсти, сколько скорбныхъ размышленій безмолвно замираютъ въ шумѣ коллективнаго строительства. И вотъ мы здѣсь, за рубежомъ—для того, чтобы стать голосомъ всѣхъ молчаливыхъ тамъ, чтобы возстановить полифоническую цѣлостность русскаго духа. Не притязая на то, чтобы заглушить своими голосами гулъ революціонной ломки и стройки, мы можемъ сохранить самое глубокое и сокровенное въ опытѣ революціоннаго поколѣнія, чтобы зацѣплять этотъ опытъ будущему, чтобы стать живой связью между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ Россіи. Въ какой-то, можетъ быть въ очень малой мѣрѣ, но эта задача выношается.

Достаточно просмотрѣть списокъ книгъ, вышедшихъ за рубежомъ, поспѣить книжкою выставку, походить по мастерскимъ русскихъ художниковъ, послушать

русскіе концерты, чтобы сказать: да, работа идетъ, люди не сидятъ, сложа руки. Среди литературной продукціи эмиграціи отберется съ десятокъ книгъ, на которыхъ будутъ воспитываться поколѣнія въ Россіи. Эти книги тамъ не могли быть написаны. Онѣ выражаютъ коренной, временно прерванный, потокъ русской мысли. Онѣ способны утолить духовную жажду Россіи, когда эта жажда проснется или получить возможность своего удовлетворенія.

И потому ихъ совѣтъ не такъ мало, этихъ большихъ книгъ, принимая во вниманіе необычайно трудныя условія, при которыхъ удастся здѣсь дистилляція духовной эссенціи. На этихъ условіяхъ хочется остановиться, чтобы еще болѣе подчеркнуть заслугу творческихъ усилій и достижений.

Русская культура за рубежомъ — выше извѣстнаго уровня — живетъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Писатель не находитъ ни издателей, ни критиковъ, ни читателей. Книги выходятъ въ порядкѣ чуда, — или жертвы. Пишутся онѣ не для конкретнаго круга читателей, а для Россіи, для міра, для вѣчности. Не получая ничего, хотя бы въ видѣ отраженій отъ окружающей среды, писатель обреченъ слушать свой собственный внутренней голосъ, и лишь чрезъ него сообщаться съ живымъ, но для него какъ бы подземнымъ потокомъ русской и вселенской культуры. Это одиночество несетъ съ собой неизбѣжную горечь сомнѣнія въ нужности своего дѣла, иногда чувство близкое къ удушью.

Какъ и почему образовалась эта культурная пустота вокругъ носителей русской культуры за рубе-

жомь? Уже самый социальный состав эмиграции менее всего пригоден для создания питающей культуры среды. В России серьезный читатель составляется из учащейся молодежи и учителя, — шире, из огромной армии грудовой интеллигенции. Трудовая интеллигенция, за малым исключением, осталась в России, при своем деле. Русское студенчество здесь, в большей части, растворяется в иностранной среде, не читая по-русски. Остальные, проникнутые практицизмом, живут профессиональными, может быть, еще политическими интересами. Им не до книг на вечные темы. Что касается широкой массы эмиграции, то она, как потребительница культуры, довольно резко делится на два круга: военный и бѣженский. В бѣженствѣ, хотя бы по своей покупательной способности, культурный спрос определяют буржуазные элементы, ищущие в культурѣ легкого наслаждения. Естественно, что патристическій лубокъ и интернациональный романъ-фельетонъ определяют ходкій спрос литературнаго товара. Иногда оба стиля соединяются под обложкой одного журнала или въ «таорчествѣ» одного автора. Понятно, почему всесоюзный писатель говоритъ черезъ головы живыхъ людей — въ пространство и время.

Разумеется, эти песимистическiя оцѣнки не въ одинаковой мѣрѣ относятся къ художественной литературѣ и къ философской и научной мысли. Большой художникъ — хотя далеко не всякiй — легче проложитъ себѣ дорогу въ любую социальную среду. Эмиграция насчитываетъ въ своихъ рядахъ двухъ-трехъ писателей первой ве-

личины, которые здѣсь не увяли, но дали свои самые зрѣлые и совершенные плоды. Конечно, они продолжаютъ до-революционную традицію. Но она была неполна безъ этого послѣдняго штриха. Старый опытъ отстоялся, закалился въ страданiи. Пережитое сообщило старымъ литературнымъ формамъ особую глубину. Это трагическое искусство достойно великой русской трагедiи. Оно будетъ имѣть своихъ читателей и тогда, когда наша революція станетъ далекой исторической сагой.

Совершенно въ другихъ условiяхъ живетъ за рубежомъ русская наука. Здѣсь неумѣстно говорить о трагедiи — развѣ о трагедiи личнаго существованiя. Невѣроятно трудны матерiальные условiя для однихъ, вполне отсутствуютъ русская читательская среда, зато для многихъ открылись возможности работы въ рамкахъ европейской (или американской) культуры. Наука международна по самой идеѣ. Нелегко отказаться отъ роднаго языка, но иностранная форма сообщаетъ гораздо большую эффективность русской научной мысли. Влiяние этой мысли въ мировую науку сильно возросло со времени революцiи.

Однако не всякая научная дисциплина легко допускаетъ чужую языковую форму. Труднѣе всего — Geisteswissenschaften — науки о духѣ, прежде всего о своемъ, национальномъ духѣ и его откровенiяхъ. Но именно о нихъ думаешь прежде всего, говоря о культурномъ значенiи русской эмиграции. Для насъ рѣчь идетъ прежде всего о русской философи, отъ которой, съ XX вѣка, неотдѣлимы русское богословiе и

— въ наши дни — историко-философская мысль.

И философская и религиозная русская мысль въ изгнании не переломилась. Онѣ продолжаютъ творчески, развивая и углубляя, традицію, прерванную революціей. Это не ліянія элитоновъ, а сама «каме» большого движенія Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка въ Россіи, изъ предпосылокъ нѣмецкаго идеализма и символизма едва начала складываться совершенно оригинальная русская школа философіи, теоретической и религиозной одновременно. Едва намѣчены были вѣхи новаго пути. Революція ничего не отбѣняла въ постановкѣ этихъ проблемъ. Она просто смахнула ихъ, уведя молодягя поклоннѣнн Россіи въ реакціонную глушь 60-хъ годовъ. Здѣсь, въ изгнаніи, совершается эта работа, которая призвана утолить духовный голодъ Россіи. Отсюда идутъ пути въ русское будущее. Правда, извѣстныя моральныя и культурно-общественныя предпосылки зачинателей этого движенія XX вѣка теперь чужды молодежи — за рубежомъ и въ Россіи, — воспитанной въ обстановкѣ военного и революціоннаго варварства. Отчужденіе отцовъ и дѣтей на духовномъ фронтѣ такъ же сильно, какъ и на фронтѣ политическомъ. Но самое содержаніе этой мысли выходитъ далеко изъ границъ психологическаго ея переживанія. Когда пройдетъ революціонный и контръ-революціонный шокъ, вся проблематика русской мысли будетъ стоять по-прежнему перель новыми поколѣніями Россіи.

Итакъ, до-революціонная традиція, оказавшаяся безплодной въ

политикѣ, еще плодотворна въ культурѣ духа. Это не должно насъ удивлять. Политика цѣлкомъ связана съ мѣняющеюся обстановкой. Самый фактъ революціи сдѣлалъ невозможными всѣ старыя лініи поведения. Развитие духа не знаетъ такихъ перерывовъ. Однако революція поставила и духовную проблему — прежде всего проблему Россіи — которая не стояла передъ довоеннымъ поколѣніемъ. Каковъ итогъ собственно духовной реакціи на революцію? Эта реакція возможна въ двухъ типахъ или въ видѣ прямого отрицанія, духовной контръ-революціи, или въ видѣ того условнаго пріятія реакціи — по крайней мѣрѣ, ея проблемы, которое у насъ получило нѣсколько странное имя — пореволюціонности.

Два слова о духовной контръ-революціи, или реакціи въ обычномъ смыслѣ слова. А priori мы не склонны отрицать законности такой установки. Прямая борьба въ мірѣ идей, борьба на истребленіе столь же неизбежна, какъ и въ матеріальномъ мірѣ. Опытъ исторіи учитъ, что эпохи реакціи бывали нерѣдко чрезвычайно плодотворны; что изъ глубинъ отрицанія рождались новыя слова.

Въ сущности, изъ радикальной реакціи противъ французской революціи выросли всѣ живыя силы, которыми движимъ былъ XIX в.: романтизмъ, историзмъ, націонализмъ, даже социализмъ. То же можно было бы сказать о религиозной католической реакціи противъ реформациіи въ XVI вѣкѣ. Революція почти всегда полагаетъ предѣлъ одному кругу идей, до конца пройденному. Новое зачинается съ отрицанія стараго. По-

литическая реакция таким образом соответствует революции духовной.

Нельзя не спрашивать себя гдѣ и почему, почему русская революція не дала своихъ Де-Мустровъ. Почему такъ убогъ и скуденъ идейный арсеналъ нашей Вандеи? Конечно, не по отсутствію талантовъ въ эмиграціи и не по недостатку реакціонныхъ настроеній. Но когда видишь, какъ плоски становятся и даровитые люди, защищающіе — казалось бы, совсѣмъ не безнадежное — «правое» дѣло, то это требуетъ объясненія.

Объясненіе это, намъ думается, слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что реакція на русскую революцію вредила на много ея торжеству. Русская революція растянута была чуть не на полтора столѣтія, если говорить о времени ея созрѣванія и идейнаго наступленія. Долго она жила чужимъ опытомъ и чужимъ умомъ. Не удивительно, что противленіе русскаго ума ея напору сказалося давно и съ большой силой. Достоевскій, Леоптьевъ, Розановъ — все это отвѣтъ на русскую революцію. Но этотъ отвѣтъ давно уже, хотя и безъ труда, вошелъ въ русское культурное сознаніе. Время сгладило остроту полемическаго упора. Мы цѣнимъ у нашихъ недликихъ «реакціонеровъ» не отрицаніе ихъ, а глубину положительныхъ началъ, пригодныхъ для философскаго и социальнаго строительства. Словомъ, они для насъ давно уже «пореволюціонны». Творческая мысль не можетъ жить повтореніемъ найденныхъ, хотя бы и острыхъ формулъ. Анти-революціонныя мысли Достоевскаго теперь могутъ подновляться

лишь площадной грубостью выраженія. Такъ и въ контрреволюціи, какъ въ самой революціи Октября, Россія живетъ очень старымъ запасомъ. Вѣдь и большевикамъ не удалось до сихъ поръ перешагнуть за порогъ 60-тъ годовъ, въ которыхъ они духовно пребываютъ.

Есть и другое обстоятельство, которое чрезвычайно несприятно для духовнаго творчества реакціи: это европейская духовная атмосфера. Нельзя не видѣть, что «буржуазный» строй потерялъ почву подъ ногами. Все живое въ Европѣ отвернулось отъ него и на разныхъ путяхъ, ищетъ выхода изъ его тупиковъ. Сейчасъ невозможно принципіальная реабилитация капитализма, какъ возможна была хотя бы идейная защита абсолютной монархіи въ началѣ XIX вѣка. Въ этомъ вся разница эпохъ. Самые остроумные и талантливые русскіе экономисты и социологи, которые, отталкиваясь отъ коммунизма, ищутъ оправданія погибшаго въ Россіи хозяйственнаго строя, оказываются на Западѣ въ всякомъ одиночествѣ, — во всякомъ случаѣ, въ очень сомнительномъ обществѣ. Это не можетъ не подрывать крыльевъ.

Иное дѣло мысль пореволюціонная. Представленная главнымъ образомъ молодымъ поколѣніемъ, лишеннымъ школьной выучки и общей культуры, ориентированная практически, она естественно не въ силахъ развить себя своихъ возможностей. Въ сущности, лишь естественство идейно себя осуществило. Ему мы обязаны оригинальной, хотя и односторонней, постановкой вопроса о судьбѣ русскаго историческаго процесса.

Поставленная евразийцами тема — Россия между Востокомъ и Западомъ — не перестаетъ будить нашу мысль. Это историческій откликъ на парадоксы русской революціи. Въ свѣтѣ новыхъ идей пересматривается весь матеріалъ русской культуры. Возможно, что надолго и въ Россіи историко-философскія изслѣдованія, освобожденные отъ плѣна марксизма, будутъ стоять подъ этимъ знакомъ. Но уже сейчасъ ибсколько книгъ, обновившихъ заброшенную со времени славянофиловъ философію русской культуры, написаны въ эмиграціи. Пореволюціонная исторіософія вмѣстѣ съ дореволюціонной философіей и богословіемъ — это то, что эмиграція принесетъ въ Россію, какъ живой ферментъ, который подниметъ и заставитъ бродить ея огромныя, но омертвѣвшія культурныя силы. Это не малое честолюбіе для нищихъ, бездомныхъ, гонимыхъ изгнанныхъ. Но это законная наша гордость и утѣшеніе, на которое мы имѣемъ право послѣ горестнаго крушенія нашей политической мечты.

Мы живемъ въ ужасное, но великое время. Историческія событія и катастрофы, помимо своего прямого политическаго и социальнаго смысла, имѣютъ всегда и другой, едва ли не болѣе важный: это вызовъ духу, требованіе отбѣга и потому моментъ въ жизни — національнаго или общечеловѣческаго — духа. Для всего духовнаго бытія Россіи вопросъ первостепенной важности: какова внутренняя реакція на знаменія нашей апокалиптической эпохи? Но силы, подобныя стихійнымъ,

сдѣлали невозможнымъ свободное выраженіе русскаго сознанія внутри Россіи. Все, что доносится оттуда, ни въ какой мѣрѣ не стоитъ въ уровень съ запросами грознаго вѣка. Можетъ быть, примириться съ тѣмъ, что наше поколѣніе такъ и не дастъ отвѣта, что лишь со временемъ онѣмѣвшая Россія обрѣтетъ свой голосъ? Но тогда свѣжесть воспріятія, точность опыта будутъ утрачены, подмѣнятся книжнымъ и деформированнымъ знаніемъ. И вотъ намъ здѣсь, за рубежомъ, выпала высокая честь и бремя подать голосъ Россіи — бросить его, хотя бы въ пространство, въ пустоту (гдѣ ничто не пропадаетъ).

Чтобы этотъ голосъ былъ слышимъ и не обманулъ того, кто черезъ пространство и время его поймаетъ на невѣдомую антенну, нашъ голосъ долженъ быть свободенъ. Свободенъ отъ всякой оглядки на мнимое «общественное мнѣніе», на призрачныя «массы», на несуществующую отвѣтственность.

Сейчасъ, послѣ старой россійской безотвѣтственности, мы болѣны совѣстью. Но колесо обернулось на 180°. Наше слово раздается въ пустотѣ. У насъ нѣтъ отвѣтственности, кромѣ какъ передъ Богомъ и своей совѣстью. Мы не знаемъ, какіе выводы будутъ сдѣланы изъ нашей правды. Не знаемъ и не должны знать. Рѣдко въ исторіи мысль имѣла право на такую свободу: право, завоеванное послѣдней нищетой, бездомностью, изгнаніемъ.

Г. Федотовъ.